

ют мыслям, содержащимся в доподлинно принадлежащих Радищеву сочинениях, прежде всего в «Путешествии из Петербурга в Москву», которое сосредоточило в себе основополагающие идеи Радищева — мыслителя и писателя.

Если вновь обратиться к процитированной выше громадной фразе из начала статьи, но теперь уже не со стороны языка и стиля, а со стороны содержания, то мы увидим, что здесь последовательно нагнетается мысль о том, что крепостной крестьянин не является человеком в полном смысле слова. Вот опорные пункты развития этой идеи:

«Но здесь не касается рассуждение о тех злосчастнейших, коих коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека... кои уподоблены тяглому скоту... кои уподоблены лошади... кои походят на человека одним только видом... исключены из всего наследия человеков... о коих не спрашивается, что они достойного человечества сделали?...» И после всего данного рассуждения следует решительный вывод: «Не о них (т. е. крепостных крестьянах. — В. З.) здесь слово... они не человеки, когда суть не что иное, как движимые мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот! — Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества!» (Соч., I, 216—217).

Итак, при всем сочувствии автора «Беседы» к крепостным, — «они не человеки». А что думал по этому поводу Александр Радищев, автор «Путешествия»?

Глава «Зайцово»: «Человек рождается в мир равен во всем другому... Следственно, человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согласуется не во всем своей единой повиноваться воле, становится послушен велениям себе подобного, словом, становится гражданином... Гражданин, становясь гражданином, не перестает быть человеком... Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть преступник» (Печ., 143—146).

Глава «Хотилово»: «... Неужели толико чужды будем ощущению человечества... и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства треть целую общников наших, сограждан нам равных, братий возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи? Зверской обычай поработать себе подобного человека... простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко... Земледельцы и донесь между нами рабы; мы в